

В.А. Перевалов

ИСТОРИК А. А. ВВЕДЕНСКИЙ В УРАЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Хотя история Уральского государственного университета, благодаря усилиям М. Е. Главацкого, В. А. Мазур и других исследователей, не является теперь *terra incognita*, ее дальнейшее изучение позволит сделать еще немало открытий. Наиболее ценные находки, как свидетельствует опыт, поджидают будущих исследователей истории *Alma mater* в архивах.

Для меня приятным сюрпризом стали опубликованные в книге «Уральский государственный университет в биографиях» сведения о том, что в годы Великой Отечественной войны на моем родном историческом факультете работал известный отечественный историк, крупнейший исследователь истории дома Строгановых в XV–XVII веках Андрей Александрович Введенский¹. К сожалению, информации было немного, явно недостаточно, чтобы удовлетворить закономерно возникшее любопытство. Благодаря разысканиям, предпринятым нами в Государственном архиве Свердловской области, вскоре удалось обнаружить личное дело А.А. Введенского периода его работы в университете. В нем оказались любопытные, неизвестные ранее материалы, содержащие ценные сведения о биографии и научной деятельности А. А. Введенского (составленное им самим жизнеописание, копии свидетельства об окончании им Петроградского университета, список его научных трудов, отзывы известных ученых о его научной деятельности и др.)².

А. А. Введенский родился 21 июля 1891 года в г. Перми в семье земского фельдшера. Его мать была фельдшерницей Пермской Александровской больницы. Ранняя смерть отца (в 1909 году) не помешала Введенскому окончить Пермскую гимназию и поступить в 1912 году на историческое отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Видимо, из-за революционных событий в его учебе был какой-то перерыв, однако в 1920 году он успешно окончил уже факультет общественных наук Петроградского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1923 году Введенский представил *provenia legendi* свою диссертацию «Монастырский стряпчий», напечатанную Академией наук, и получил удостоверение на право самостоятельного преподавания русской истории в вузах. Еще с 1917 года он занимался преподаванием сначала в школах, на рабфаках и в военноморском училище, затем в пединституте им. Герцена и в Ленинградском университете. Несколько лет Введенский также проработал научным сотрудником I разряда в Историческом НИИ при ЛГУ и в Институте Маркса.

Юность и молодые годы Введенского совпали с годами революции и радикальных изменений в стране. Разумеется, эти перемены не могли не коснуться ни лично его, ни сфер, в которых он стал подвизаться. Об отношении Введенского к происшедшим событиям, его гражданской позиции, убеждениях и мировоззре-

нии в целом мы можем сейчас судить только по отрывочным сведениям из делопроизводственных документов (его личный архив не попал на государственное хранение и ныне недоступен исследователям). Будучи выходцем из небогатой провинциальной интеллигенции, он, скорее всего, придерживался демократических взглядов. Годы, проведенные в стенах университета, атмосфера свободы и творчества должны были только укрепить их в нем. После революции интеллигенция была поставлена перед весьма тяжелым выбором. Введенский, по всей видимости, относился к той ее части, которая не мыслила себя вне России, в эмиграции, и пошла на сотрудничество с новой властью, хотя, вероятно, в душе и не до конца принимала ее. Достоверно известно, что он никогда не участвовал в революционном движении и не был членом ВЛКСМ и ВКП(б). Из общественных организаций он состоял только в профсоюзе работников вузов. Как военнообязанный, Введенский в 1922–1924 годах проходил службу в РККА, где являлся штатным преподавателем истории. Сохранились любопытные сведения, что в 1923–1928 годах он был членом ревкома в домкоме, в 1925–1928 состоял в ячейке безбожников в 107-й трудовой школе, в которой работал, а в 1930–1934 годах являлся секционером в райсовете Центрального района г. Ленинграда.

Однако если в первые годы после Октябрьской революции наука и высшая школа чувствовали себя относительно свободно, то в 20-е годы прессинг со стороны быстро скатывавшегося к тоталитаризму государства стал нарастать. В ответ на беспрецедентное давление и «закручивание гаек» естественной реакцией самосохранения научной интеллигенции стало создание различных

кружков, «неформальных научных объединений» (Б.В. Ананьич). Еще в 1921 году в Ленинграде сложился «кружок молодых историков», состоявший в основном из специалистов по отечественной истории, преимущественно учеников С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, Н.И. Кареева, А.Г. Вульфюса, А.Е. Преснякова, С.В. Рождественского. Введенский, наряду с И. Л. Поповым и Н.С. Штакельберг, был одним из инициаторов создания и активным участником собраний этого кружка (некоторые из них даже проходили у него на квартире). Позднее в кружок вошли дочери академика Платонова – Нина и Наталья, Б.А. Романов, профессор Е.Н. Петров, П.А. Садиков, А.Н. Шебунин, А.М. Ставрович, О. Е. Корнилович, М. Н. Мартынов и др. Время от времени там появлялись П. П. Щеголев, А. Н. Насонов, С. Н. Волк, Г. П. Федотов. На заседаниях кружка бывали академики Платонов и Тарле, Рождественский, М. М. Богословский, А. И. Заозерский, Б. Д. Греков, Пресняков, М. Д. Приселков и другие известные ученые. Как пишет Б.В. Ананьич, «по замыслу его участников, кружок должен был объединять ученых, связанных “общностью интересов в области научных и политических вопросов”. Кружок носил академический характер, большинство докладов было посвящено темам, имевшим отношение к русской истории, хотя обсуждались также и текущие политические события». По его же сведениям, в 1925 году игравший большую роль в деятельности кружка С. И. Тхоржевский, «используя свое положение секретаря в правлении клуба научных работников, вместе с Шебуниным, Корнилович и Введенским создал драматический кружок, который рассматривался как своеобразный вид “массовой работы” объединения “молодых ис-

ториков”». Конечно же, ничего криминального в этих собраниях не было.

О причинах появления этого и других подобных кружков в 1930 году уже арестованный академик Платонов на допросе показал следующее: «Касаясь нелегально существующих кружков “молодых историков”, должен признаться и подчеркнуть, что здесь были люди, объединенные желанием видеть науку свободной. Считая совершенно ненормальным существующее положение, когда статьи нельзя писать без издания Коммунистической академии и прочее, полагаю, что если бы данное положение изжилося, то нелегальные кружки самоликвидировались». Так как академик Платонов, ставший одним из главных фигурантов по сфабрикованному ГПУ печально известному «Академическому делу», был среди зачинателей «кружка молодых историков», то его участники, в том числе и Введенский, тоже привлекли внимание следователей и с началом арестов оказались за решеткой. 14 января 1930 года на допросе Платонов сообщил о кружке следующее: «Признаю, что действительно я являлся одним из создателей “Кружка молодых историков”. Посещал я этот кружок несколько раз и был на первом собрании, когда состоялось его открытие. Бывали со мною также Рождественский и Тарле, являющиеся вместе со мною создателями кружка. Мне также известно, что означенный кружок имел собрания на квартирах своих членов: Штакельберг, Гринвальд, Введенского, Романова и Тхоржевского».

Однако в разгар следствия постановлением от 7 февраля 1931 г. дело в отношении Введенского и еще 24 человек (в основном представителей молодого и среднего поколения исторической науки), аресто-

ванных по делу о принадлежности к «Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России», было прекращено, взятые у них подписки о невыезде из Ленинграда были аннулированы, возвращена изъятая при обыске личная переписка. Достоверно неизвестно, почему освободили именно этих ученых, тогда как большинство из 115 арестованных по этому делу осуждены и приговорены к различным наказаниям, в основном к срокам заключения в концлагерях и ссылке. Сам Введенский, скорее всего, считал себя невиновным, задержанным по ошибке (впрочем, как и многие из репрессированных в те годы). В 1941 году, заполняя при устройстве на работу в Свердловский университет личный листок по учету кадров, в графе «Привлекался ли к судебной ответственности (кем, когда, за что) и решение суда» он (кажется, не без удовлетворения) написал: «нет (был под следственным арестом ГПУ в Ленинграде в 1930 года по делу Академии наук, дело 1801/29, но взысканий и репрессий не имел)».

В 1930 году преподавание истории в Ленинградском университете, как и повсюду в стране, было закрыто, и, выйдя на свободу, Введенский устроился историком-экономистом в Гипромез и одновременно стал преподавать историю в мелиоративном техникуме. В 1934–1936 годах он был и. о. профессора истории техники в Институте путей сообщения в Ленинграде, в 1935–1937 годах читал лекции в качестве и. о. профессора в Вологодском и Витебском пединститутах, выезжая из Ленинграда, в 1937–1938 годах работал зав. кафедрой и и. о. профессора в Институте журналистики.

В 1938 году Введенский был избран по конкурсу на должность зав. кафедрой Киевского университета и

переехал в Киев. 20 мая 1941 года он защитил докторскую диссертацию в Ленинградском университете, и дело было передано на рассмотрение в ВКВШ. До начала войны Введенский успел проработать в Киевском университете три года, 8 июля 1941 года он был эвакуирован вместе с семьей из прифронтового города в Свердловск, где 30 июля 1941 года стал заведующим кафедрой истории СССР в Свердловском университете с окладом 1200 рублей.

А. А. Введенский читал курс «История народов СССР» и спецкурс «Строгановы и покорение Сибири». В. Петрова, выпускница историко-филологического факультета, вспоминает: «Изумительно читал лекции по русской истории киевский профессор Введенский. Он знал историю, как иной из нас не знает собственную жизнь. Помнится огромный эмоциональный и патриотический накал его лекций, но дело не ограничивалось только этим. Крупный ученый, он учил нас познавать предмет, наглядно показывал, как не просто цитировать и опираться на какие-то авторитеты. Я, например, навсегда запомнила, что цитирование вырванной из контекста фразы, да еще из работы, не прочитанной и не изученной тобой, – дело дохлое и может обернуться научной недобросовестностью»³.

В ноябре 1942 г. А. А. Введенский повторно защитил докторскую диссертацию «Очерки по истории Строгановых в Поморье и на Урале в XVI–XVII вв.». В первый раз он защищал ее еще в Ленинградском университете, но вскоре началась война, документы по защите, видимо, затерялись. Однако текст самой диссертации сохранился у автора. Эта работа, по сведениям В. А. Мазур, стала «первой докторской диссертацией, принятой к защите уче-

ным советом Уральского университета (1942)»⁴. «Защита диссертации А. А. Введенским по истории торгового дома Строгановых в XVI–XVII веках, – по воспоминаниям присутствовавшего на ней известного историка Г. А. Кулагиной, – превратилась в интереснейшую научную дискуссию. Острота споров между автором и одним из официальных оппонентов – академиком С. Г. Струмилиным, – сдобриваемая меткими сравнениями, историческими аналогиями и юмором, навсегда осталась в памяти как интереснейший научный поединок»⁵.

Во время своего пребывания в стенах нашего университета А. А. Введенский также способствовал становлению на Урале местных кадров исторической науки. Так, он оказал большое влияние на известного в будущем историка уральской промышленности профессора В. Я. Кривоногова, в те годы только начинавшего свой путь в науке⁶.

Преподавательской и научной работой А. А. Введенского были довольны и руководство, и студенты университета. В характеристике, составленной во второй половине 1942 – первой половине 1943 года, о нем сказано как о хорошем лекторе и высококвалифицированном научном работнике. В заслугу ему ставилось также ведение большой общественной работы, а именно – систематическое чтение лекций в военных частях и госпиталях. Видимо поэтому именно ему приказом ректора от 17 октября 1942 года было поручено собирать материалы, «освещающие участие студентов, профессоров и преподавателей в Отечественной войне и работах по обороне Родины». За все время работы в университете А. А. Введенский имел только одно замечание: 3 марта 1943 г. он опоздал на 15 минут на учебные занятия, за что на основа-

нии докладной записки декана исторического факультета приказом ректора ему было поставлено на вид.

А. А. Введенский проработал в университете до 29 сентября 1943 года, потом вернулся в Киев, в Киевский университет. Скончался в 1965 году⁷.

Автор благодарен за помощь в работе над настоящей публикацией своим коллегам А. Г. Сапожникову, О. Ю. Сарафанову, В. А. Мазур, Г. А. Кулагиной и Ю. М. Эскину (г. Москва).

¹ Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 1995. С. 217–218.

² ГАСО. Ф. р-2110. Оп. 5. Д. 68. Л. 1–34.

* ³ См.: *Петрова В.* Пятьдесят лет тому ... // Урал. 1990. № 10. С. 169.

⁴ Уральский государственный университет в биографиях. С. 217–218.

⁵ Уральский государственный университет. Свердловск, 1990. С. 95.

⁶ См.: *Кривоногова О.В.* Историк Урала В. Я. Кривоногов // *Летописцы родного края* (очерки об исследователях истории Урала). Свердловск, 1990. С. 77.

⁷ См.: *Писаренко Э.Е.* Генеалогия дома Строгановых в научном наследии А. А. Введенского // *Генеалогия: источники, проблемы, методы исследования*. М., 1989. С. 133–136.